
Но выпил же я эту чашу до дна...

[Николай ГОЛОВКИН](#) - 21 июня 2017

Body

В год 100-летия двух русских революций мы невольно задумываемся о наиболее драматичных, переломных периодах истории России.

В этом контексте поучительна трагическая судьба лицейского друга Александра Сергеевича Пушкина – поэта, прозаика, публициста, драматурга, переводчика, участника восстания 14 декабря 1825 года, немца по происхождению, русского душой Вильгельма Карловича Кюхельбекера.

***

В 1879 году из «глубины сибирских руд» в Санкт-Петербург был доставлен сундук с не увидевшим свет из-за «высочайшего запрета» рукописями опального поэта-декабриста Кюхельбекера.

Этот архив – обширное собрание ненапечатанных стихов, прозы, пьес, статей, переводов и дневник – привезла в столицу, где более полувека назад поэту был вынесен суровый приговор, вдова Вильгельма Карловича, простая русская женщина, выполнившая завещание супруга и сумевшая понять значение его наследия для отечественной словесности и культуры.

Спустя годы исследованием этих рукописей занимался Юрий Николаевич Тынянов, писатель, литературовед, пушкинист, биограф многих выдающихся исторических личностей.

Тынянов не жалел ни средств, ни сил и на собрание и изучение рукописей и печатных трудов Кюхельбекера. Он занимался этим на протяжении всей жизни.

В. А Каверин вспоминает, как в 1928-1929 годах Ю. Н. Тынянов выкупил у одного антиквара большую партию бумаг Кюхельбекера:

«Я помню, как в одной из рукописей (письмо Туманского к Кюхельбекеру) он нашёл несколько слов, написанных рукою Пушкина. Это было торжество из торжеств!»

Эти «несколько слов», приписанные Пушкиным по французски к письму В. Туманского, не только «открыты» Ю. Н. Тыняновым как пушкинские слова (до чего прежде не догадывались, хотя письмо Туманского было напечатано), но и истолкованы им как существенная деталь в истории отношений Кюхельбекера и Пушкина.

А однажды к Юрию Николаевичу попал архив Кюхельбекера, много лет хранившийся у редактора исторического журнала «Русская Старина» Михаила Ивановича Семевского.

Да, о существовании этого архива знали. И знали люди выдающиеся – Лев Толстой, критик Николай Страхов...

Но лишь Тынянов всерьёз заинтересовался забытой в литературе фигурой, исследовал судьбу пушкинского товарища досконально – от стихов, большинство из которых до того времени практически не знал никто, до архивных документов, воспоминаний и личных писем.

Юрий Николаевич сам был тонким поэтом, так же, как и Кюхельбекер, немного «не от мира сего».

Итогом его погружения в эпоху и биографию неординарной личности Кюхельбекера стали статьи и доклады о творчестве забытого писателя.

Ещё студентом Петроградского университета Юрий написал большую научную работу «Пушкин и Кюхельбекер». Она, к сожалению, сгорела в 1918 году в Ярославле.

Спустя годы, в 1934 году, Тынянов опубликовал статью под таким же названием, где дал новое толкование ряду ранее уже известных фактов, характеризующих взаимоотношения Пушкина и Кюхельбекера.

А вот роман «Кюхля. Повесть о декабристе», который сделал имя Кюхельбекера популярным среди отечественных любителей словесности, молодой учёный, обладавший, как оказалось и писательским даром, писать вовсе не собирался.

Время было советское. Поэтому не госпожа удача, а товарищ случай изменил планы исследователя – сыграл здесь свою главную роль.

В 1920-е Корней Иванович Чуковский, один из руководителей Петроградского Дома искусств, в сотрудничестве с издательством «Кубуч» решил наладить выпуск научно-популярной литературы: рассказать – пусть и в самых общих чертах! – гражданам Советской России, отвыкшим за годы Гражданской войны от высокого и прекрасного, о жизни и творчестве русских писателей минувших эпох.

В 1924 году замороженный увлекательным рассказом Тынянова о Кюхельбекере, Чуковский самовольно включил в план издательства «Кубуч» маленькую биографическую книжку о поэте-декабристе.

Его неожиданное предложение эту книжку написать, как вспоминал Корней Иванович, Тынянов встретил не очень охотно: это, мол, сильно отвлекло бы Юрия Николаевича от научных занятий. Однако, нуждаясь в деньгах, он взялся за работу.

Уже через несколько месяцев Тынянов вручил изумлённому Чуковскому вместо брошюры весьма увесистую рукопись. Издательство планировало 5 печатных листов, получилось 17. Вместо очерка – роман.

Возникшие в связи с этим трудности были успешно преодолены, и в 1925 году, к 100-летию восстания декабристов, книга увидела свет.

Роман «Кюхля» прекрасного знатока пушкинской литературной эпохи Юрия Тынянова, где Кюхельбекер предстаёт своеобразным, благороднейшим и наивнейшим Дон-Кихотом, чья судьба изображена в её подлинном и глубоком трагизме, сразу же был тепло встречен критиками и читателями.

«Поэтическая судьба Кюхельбекера, – писал Юрий Николаевич, – это, быть может, наиболее яркий пример уничтожения поэта, которое произвело самодержавие».

Радовался появлению «Кюхли» и один из «виновников» события Чуковский.

«За день до выхода книги, 1 декабря 1925 года, – вспоминал он, – Тынянов сделал на странице моего альманаха «Чукоккала» запись:

*Сижу, бледнея, над экспромтом,
И даже рифм не подыскать.
Перед потомками потом там
За всё придётся отвечать.*

(Накануне рождения «Кюхли» – поэтому так плохо).

Потомки уже вынесли ему свой приговор, – продолжал Корней Иванович, – ибо тотчас же после появления в печати «Кюхля» сделался раз навсегда любимейшей книгой и старых, и малых советских людей, от двенадцати лет до восьмидесяти. Стало ясно, что это и в самом деле универсальная книга – и для высококвалифицированного, и для так называемого рядового читателя, и для академика, и для школьницы четвёртого класса.

Это книга во славу русской культуры, ибо в ней, как ни в одной из наших исторических книг, воспроизведена духовная атмосфера той высокой эпохи.

Здесь была сила Тынянова в изображении одухотворённых людей высокой культуры».

Через четырнадцать лет после выхода «Кюхли» как итог многолетней работы, впервые собрав наиболее полное наследие Кюхельбекера и подготовив к печати, Тынянов выпустил его двухтомное Собрание сочинений (В. К. Кюхельбекер, Сочинения, тт. 1-2, вступительная статья, редакция и примечания Ю. Тынянова, «Библиотека поэта», Большая серия, Л. 1939).

Прошли годы. Исследователями с тех пор проведена большая работа по сбору, публикации и анализу наследия Кюхельбекера. И сегодня мы имеем возможность свежим взглядом посмотреть на творчество этого интереснейшего поэта, драматурга, прозаика и критика.

Всё так. Но хотя в романе Тынянов изобразил своего героя несколько иным, чем он был на самом деле, а в статьях учёного поэт и гражданин Вильгельм Кюхельбекер представлен совершенно иначе.

Но мы по-прежнему благодарны Тынянову: ведь именно он, соединив «век нынешний и век минувший», впервые вернул в русскую словесность опального Кюхельбекера.

***

Вильгельм Карлович Кюхельбекер – личность трагическая и трогательная. У него можно поучиться душевной стойкости:

*Мы никому, друзья, не подвластны душою; в минувшем,
В будущем можем мы жить, в сладостной, светлой мечте...*

Многие современники, кто общался с ним, признавали в «странном» Кюхельбекере человека необыкновенного.

Таким же незаурядным было и творчество Кюхельбекера.

Его творческий путь, резко разделенный надвое событиями 14 декабря 1825 года,

---

оказался в значительной части скрыт от читателей.

Поэту было 28 лет, когда он, волей самодержавия, был вычеркнут из литературной жизни России: имя Кюхельбекера совершенно исчезло со страниц журналов. Он не успел многого напечатать.

***

«Порыв к великому, любовь к добру», — так некогда определил свойства своего характера светлый, прекраснодушный, неуклюжий лицеист, герой эпиграмм и карикатур, в дальнейшем – учитель словесности и путешественник, поэт и декабрист, человек замечательного дарования и трагической судьбы...

Он умел дружить и прощать обиды, мечтал о героическом и мужественно переносил тяготы жизни.

Целой эпохой, сформировавшей литературные и политические взгляды Вильгельма Карловича стали для него годы пребывания в самом привилегированном учебном заведении России – недавно открывшемся Императорском Царскосельском Лицее (1811-1817). В Лицей пятнадцатилетний Виленька, Кюхля, как называли его лицейские товарищи, был принят по протекции их дальнего родственника, военного министра, будущего героя 1812 года М. Б. Барклай-де-Толли.

Лицей дал Кюхельбекеру тот дружеский литературный круг, который сохранился у него, несмотря на превратности судьбы, на всю жизнь.

Его товарищами были такие же юные, как и он сам, князь А.М. Горчаков – будущая звезда российской дипломатии, литератор А.А. Дельвиг, декабрист И.И. Пущин и, наконец,

---

непревзойдённый корифей отечественной поэзии – Александр Сергеевич Пушкин.

На первых порах, правда, Кюхле приходилось нелегко. Он был неуклюжим, вдобавок глуховатым (из-за перенесённой болезни), вечно занятым своими размышлениями, и поэтому рассеянным.

Прямодушный, искренний, он везде высматривал добро и справедливость.

При любой нанесённой ему обиде Кюхля мгновенно «взрывался». И это ещё больше раззадоривало обидчиков.

Кюхля поэтому стал предметом постоянных насмешек окружающих, насмешек – подчас жестоких.

Он даже с горя пытался утопиться в пруду, но ничего не получилось: его благополучно вытащили, а в лицейском журнале появилась смешная карикатура.

Над Виленкой посмеивался сперва даже Пушкин.

Но вскоре Саша сумел разглядеть и оценить его наилучшие свойства, заслуживающие не иронии, а наивысшего уважения.

Пушкин, восхищавшийся эрудицией Кюхельбекера, который лучше остальных лицеистов знал историю, литературу, философию и при этом щедро делился с другими своими знаниями. Впоследствии Александр Сергеевич назвал его *«живым лексиконом и вдохновенным комментарием»*.

В мятущейся душе Кюхельбекера Пушкин видел нечто родственное себе.

«Мой брат родной по музе, по судьбам» – так называет он Кюхельбекера.

Отдельные черты Кюхельбекера, как считают исследователи, Пушкин использовал в образе Ленского.

***

Лицей Кюхельбекер окончил с серебряной медалью. Как и Пушкин, он поступает на службу в Главный архив Коллегии иностранных Однако стать чиновником ему не суждено – чуждо характеру. Поэтому вскоре Вильгельм Карлович оставляет службу.

Кюхельбекер первым обратился к жанру посланий друзьям в дни Лицейских годовщин.

Таким было послание к Пушкину и Дельвигу 14 июля 1818 года. Здесь впервые их дружба определяется формулой:

Наш тройственный союз, Союз молодых певцов и чистый, и священный...

Эту формулу будут неоднократно варьировать в своих стихах все три поэта.

В средних классах Благородного пансиона при Главном педагогическом институте Кюхельбекер преподаёт русский и латинский языки. Среди его учеников – младший брат Пушкина Лев, будущий композитор Михаил Глинка.

***

Весной 1820 года, узнав, что царь грозит Пушкину расправой, Кюхельбекер, даже не оглянувшись на свои скромные жизненные блага, с таким трудом добытые, ринулся на защиту друга. Он прочитал в Вольном обществе стихотворение «Поэты»:

*И ты – наш новый Корифей
Певец любви, певец Руслана!
Что для тебя шипенье змей,
Что крик Ифимии и Врана? –
Лети и вырвись из тумана,
Из тьмы завистливых времен.*

Министр внутренних дел мгновенно получил донос на Вильгельма Карловича.

Тучи сгущались над головами теперь двух поэтов. К счастью, выручил третий: Дельвигу предложили место секретаря при богатом вельможе, отъезжавшем в заграничное путешествие, и Дельвиг отказался от выгодного предложения в пользу Кюхельбекера.

В сентябре 1820 года Кюхельбекер по рекомендации друга в качестве личного секретаря князя А. Л. Нарышкина уезжает в годичное заграничное путешествие в Германию, Италию и Францию.

В Веймаре в ноябре состоялось его знакомство с Гёте – университетским однокашником покойного отца Вильгельма Карловича. Очевидно, как считают исследователи, у них было несколько встреч.

В дневнике Кюхельбекер записал об этом в довольно будничном тоне:

«Мы, наконец, довольно сблизились: он подарил мне на память своё последнее драматическое произведение и охотно объяснил мне в своих стихотворениях всё то, что я мог узнать единственно от самого автора... Гёте позволил мне писать к себе и, кажется, желает, чтобы в своих письмах я ему объяснил свойство нашей поэзии и языка русского: считаю приятной обязанностью и по возвращении в С.-Петербург займусь этими письмами, в которых особенно постараюсь обратить внимание на историю нашей словесности, на нашу простонародную поэзию».

Однако, забегаая вперёд, отметим, что судьба распорядилась иначе: Кюхельбекер не смог выполнить это обещание.

Из Германии он приезжает во Францию. В Париже Кюхельбекер выступает с лекциями о русской литературе, прекращенными за их вольнодумство по требованию посольства России.

В 1821-1822 годах Вильгельм Карлович служил на Кавказе при генерале А. П. Ермолове. Здесь возобновилось его знакомство с Александром Сергеевичем Грибоедовым.

«Между ними сказалось полное единство взглядов, – пишет Ю. Н. Тынянов, – тот же патриотизм, то же сознание мелочности лирической поэзии, не соответствующей великим

задачам, наконец, интерес к драме».

Разборчивый на знакомства Грибоедов угадал в Кюхельбекере недюжинную натуру и собрата-поэта.

Будущий декабрист, как явствует из его же собственных слов, видел, как создается «Горе от ума», и даже был первым, кому автор комедии «читал каждое отдельное явление непосредственно после того, как оно было написано».

Черты Кюхельбекера Ю.Н. Тынянов, может быть, несколько увлекаясь, усматривает в Чацком.

Удивительная личность Грибоедова оказала огромное влияние: на всё творчество Кюхельбекера. Их тесное общение переросло *«в творческую дружбу, а со стороны Кюхельбекера и в поклонение, длящееся всю жизнь».*

Вильгельм Карлович увлёкся Шекспиром и начинает критически относиться к Жуковскому.

В это же время он обращается к оде, противопоставляя ее высокую гражданственность камерности элегии.

Внимательное прочтение Библии и интерес к библейским сюжетам приносят новый аспект в понимание места и назначения поэта в обществе. Теперь поэт воспринимается им как пророк.

В стихах Кюхельбекера появляется образ поэта-пророка, пробуждаемого гласом бога:

Восстань, певец, пророк Свободы!..

Через четыре года появился пушкинский «Пророк». Не исключено, что с ориентацией на эти строки.

Вильгельм Кюхельбекер

***

В 1825 году Кюхельбекер вновь в Петербурге. Он оказывается в предгрозовой атмосфере приближающихся революционных событий. Ближайшими его друзьями становятся К.Ф. Рылеев, А. Бестужев, А. Одоевский.

В «Алфавите декабристов», построенном на материалах следствия, о Вильгельме Карловиче Кюхельбекере говорится:

«Принят в Северное общество в последних числах ноября 1825 года. На совещаниях нигде не был; а 14-го декабря, узнав о замышляемом возмущении, принял в оном живейшее участие; ходил в Московский полк и Гвардейский экипаж. 14-го декабря был в числе мятежников с пистолетом, целился в великого князя Михаила Павловича и генерала Воинова (уверяет, что, имея замоченный пистолет, он целился с намерением отклонить других с лучшим орудием). По рассеянии мятежников картечами, он хотел построить Гвардейский экипаж и пойти на штыки, но его не послушали. После чего он скрывался побегом в разных местах, переодевшись в платье своего человека с ложным видом, в коем переправил год из 1823 на 1825. Пойман в Варшаве».

«Когда на что решусь, уж я не отступаю!» – таков был один из важнейших жизненных принципов Вильгельма Карловича. Он осуществил его в дружбе, в литературе и в жизни – в декабрьский день 1825 года, который превратил неимущего и малоизвестного петербургского поэта в «опасного государственного преступника», строго охраняемого всем могуществом царской власти.

Кюхельбекер был причислен к преступникам, достойным казни «отсечением головы». Но «монаршей милости» его пощадили и бросили в «черную тюрьму» на долгие годы.

***

Впоследствии Кюхельбекер, осужденный на пятнадцать лет одиночного заключения и пожизненную ссылку в Сибирь, всё случившееся с ним и с его, как он писал, злополучными товарищами, называл «несчастьем»: на смену восторженности пришла горечь утрат и разочарований...

*Тебя ли вижу из окна
Моей безрадостной темницы,
Златая, ясная луна,
Созданье божией десницы?*

*Прими же скорбный мой привет,
Ночное мирное светило!
Отраден мне твой тихий свет:
Ты мне всю душу озарило.*

*Так! может быть, не только я,
Страдалец, узник в мраке ночи, –
Быть может, и мои друзья
К тебе теперь подъемлют очи!*

*Быть может, вспомнят обо мне;
Заснут; с молитвою, с любовью
Мой призрак в их счастливом сне
Слетит к родному изголовью,*

*Благословит их... Но когда
На своде неба запылает
Передрагасветная звезда, –
Мой образ, будто пар, растает.*

Это стихотворение «Луна» написано Вильгельмом Кюхельбекером в 1828 году в одиночной камере.

С одной стороны, судьба в лице государя Николая I обрекла его на душевные и телесные страдания в изоляции, но в то же время освободила от необходимости заботиться о бытовом обустройстве, о заработках, о положении в обществе – в общем, от всего того, с чем Вильгельм так плохо справлялся в повседневной жизни.

При этом – пусть не сразу – ему разрешили вести дневник, переписываться с родственниками, читать – избирательно, старые подшивки,

Кюхельбекер не ждал признания при жизни. Тяжелая судьба политического заключенного, а затем ссыльного не оставляла ему надежд на признание или хотя бы отклик современников. Все его устремления были направлены в будущее. Поэт мечтал:

---

*Забудут заблужденья человека,
Но воспомянут чистый глас певца,
И отзовутся на него сердца
И дев, и юношей иного века...*

На девятом году тюремного заключения он записал в дневнике:

«Когда меня не будет, а останутся эти отголоски чувств моих и дум, – быть может, найдутся же люди, которые, прочитав их, скажут: он был человек не без дарований; счастлив буду, если промолвят: и не без души...».

Эти годы одиночества, не будет преувеличением сказать, стали наиболее плодотворными в творческой биографии Кюхельбекера.

Он совершенствовался как писатель, литературный критик, философ, вернулся к изучению греческого языка и самостоятельно начал изучать английский:

«Провидение меня воспитывает и обстоятельствами принуждает к занятиям, о которых я по природной лености, вероятно, и не думал бы: в Шлиссельбурге я выучился по-английски, потому что у меня не было книг, кроме английских», – сделал 15 февраля 1835 года запись в дневнике Вильгельм Карлович Кюхельбекер.

Именно этому обстоятельству мы обязаны появлением его переводов Шекспира: «Макбета», «Ричарда II», «Генриха IV», «Ричарда III», первого действия «Венецианского купца» и поэмы «Давид»...

***

Кюхельбекер учился всю жизнь, многое, восприняв от других поэтов, начиная с Ломоносова, Державина, Пушкина, Грибоедова и кончая Баратынским и Лермонтовым...

Недаром К.И. Чуковский однажды воскликнул:

«Да знаете ли вы, какие у Кюхельбекера есть стихи?! Пушкинские!».

Пушкин не забывал Кюхлю никогда. Он сделал всё, чтобы вернуть лицейского друга в литературу – хотя бы под псевдонимами или анонимно.

Пушкину, несмотря на прямой риск, удалось опубликовать мистерию Кюхельбекера «Ижорский», книгу «Русский Декамерон», статью «Мысли о Макбете».

Когда Александр Сергеевич стал издателем «Современника», он рассчитывал «пробить» в печать произведения Кюхельбекера, но получил категорический отказ III Отделения.

Пушкин несколько раз писал Кюхельбекеру. Письма дошли до адресата, но не сохранились.

Через родственников Кюхли Пушкин направлял ему также книги, в том числе и свои сочинения.

12 февраля 1836 г. Кюхельбекер писал Пушкину из Баргузина:

«...Мой долг прежде всех лицейских товарищей вспомнить о тебе в минуту, когда считаю себя свободным писать к вам; долг, потому что и ты же более всех прочих помнил о вашем затворнике. Книги, которые время от времени пересылал ты ко мне, во всех отношениях мне драгоценны: раз, они служили мне доказательством, что ты не совсем ещё забыл меня, а во-вторых, приносили мне в моём уединении большое удовольствие. Сверх того, мне особенно приятно было, что именно ты, поэт, более наших прозаиков заботишься обо мне...».

В бумагах Пушкина сохранился рукописный сборник стихотворений Кюхли.

Кюхельбекеру пришлось пережить почти всех своих друзей-поэтов: Рылеева, Грибоедова, Дельвига, Пушкина, Баратынского...

Их он неоднократно помянул в своих стихотворениях, посвящённых трагической участи поэтов России, таких как «Тень Рылеева» (1827), «Памяти Грибоедова» (1829), «19 октября 1837 года» (1838), «Три тени» (1840)...

Гибель Пушкина, который был для него «товарищем вдохновенным», непревзойдённым образцом высокого духа и таланта, светочем во всех тяготах судьбы, наложила особый, трагический отсвет на многие последующие стихи.

О его смерти Кюхельбекер узнал накануне дня рождения лицейского друга – 26 мая. «Тени Пушкина» Кюхельбекера датированы 24 мая 1837 года.

С этого времени мысли о судьбе поэтов, о собственной судьбе становятся всё более мрачными. Тени погибших друзей всё чаще появляются в его стихах.

***

Он прожил отмеренные ему судьбой неполных полвека, умер в неизвестности и нищете

Наследие Кюхельбекера, не прекращавшего литературной работы даже в самые тяжелые периоды жизни, обширно и очень разнообразно.

После него осталось огромное количество тетрадей с неопубликованными стихотворениями, поэмами, драмами, повестями...

Помимо многочисленных стихотворений, он написал поэмы «Кассандра» (1823), «Юлий и Ксения» (1832-1836), «Агасвер» (1832-1846), трагедии «Аргияне» (1823), «Прокопий Ляпунов» (1834), мистерию «Ижорский» (1826-1841), роман «Последний Колонна» (1832-1842), «Путешествие» (1822), рассказывающее о его поездке по Западной Европе, ряд литературно-критических статей.

Несомненный интерес представляет и дневник Кюхельбекера, в котором «законсервирована литературная атмосфера 1820-х гг.».

Перед смертью Кюхельбекер отправил В. А. Жуковскому гордое и скорбное письмо:

«Простите мне, добрейший мой наставник и первый руководитель на поприще поэзии, эту мою гордую выходку! Но, право, сердце кровью заливается, если подумаешь, что всё, мною созданное, вместе со мной погибнет, как звук пустой, как ничтожный отголосок!»

Высоко ставя предназначение стихотворца, умирающий, больной Кюхельбекер в одном из

последних стихотворений, названном «Участь русских поэтов», писал:

*Горька судьба поэтов всех племен;
Тяжеле всех судьба казнит Россию:
Для славы и Рылеев был рожден;
Но юноша в свободу был влюблен...
Стянула петля дерзостную выю.
Не он один; другие вслед ему,
Прекрасной обольщенные мечтою,
Пожалися годиною роковою...
Бог дал огонь их сердцу, свет - уму,
Да! Чувства в них восторженны и пылки, -
Что ж? их бросают в черную тюрьму,
Морят морозом безнадежной ссылки...
Или болезнь наводит ночь и мглу
На очи прозорливцев вдохновенных,
Или рука любовников презренных
Шлет пулю их священному челу;
Или же бунт поднимет чернь глухую
И чернь того на части разорвет,
Чей блестящий перунами полет
Сияньем обнял бы страну родную.*

[Николай ГОЛОВКИН](#) - 21 июня 2017

<http://webkamerton.ru//2017/06/no-vypil-ze-etu-casu-do-dna>